

Маргарита Эскина: Ольга, не могу забыть, как во время нашей недавней совместной поездки в Италию ты вошла в ресторан - и все официанты готовы были снести блюда на твой столик. Красивых женщин много, но где бы ни появлялась ты, все внимание мгновенно сосредотачивается на тебе. Ты обладаешь каким-то особым даром привлекать к себе. Это происходит и на сцене. Совершенно справедливо, что сейчас в «Современнике» ты одна из самых востребованных актрис. А какая роль была первой в этом театре?

Ольга Дроздова: Карола в «Крутом маршруте». Шел 1989 год. Спектакль этот только выпустили. А меня туда ввели в тот момент, когда театр находился в отпуске. Моя героиня была немкой и разговаривала на немецком, а у меня даже текста роли на немецком не было. Требовалось сделать перевод, да и говорить убедительно на языке героини. Тогда я нашла педагога в Щепкинском училище, которое окончила, судорожно учила немецкий... Когда театр вернулся из отпуска, помощь я получила сполна, но именно это стало и самым тяжелым испытанием. У меня уже рябило в глазах, потому что я не успевала выслушать все советы, а только умоляюще смотрела на Галину Борисовну Волчек: «Ну что же она меня не защитит?» Но она специально сделала паузу, наблюдая за мной и моими реакциями: как я слушаю людей, как пользуюсь их советами... Конечно, я запуталась окончательно и уже не понимала, кого же мне играть? У всех ведь разные школы и представления. Потом вмешалась-таки Галина Борисовна и сняла все вопросы. Роль была небольшой, но она стала для меня настоящей школой мастерства.

М.Э.: Как ты оказалась в «Современнике»?

О.Д.: Тем летом я показывалась во многих театрах, но совершенно не рассчитывала на успех. Везде требовались молодые мужчины-герои, а я просто помогала своим однокурсникам, готовила с ними отрывки из спектаклей, чтобы они могли лучше проявить себя. Сама же я собиралась вернуться в Свердловск, где еще до поступления в Щепкинское училище играла главную роль в драматическом театре в спектакле «Ведьма» и репетировала в ТюЗе. Поэтому я надеялась, что меня после окончания училища в Свердловске ждут. И то, что вдруг меня взяли в «Современник», актрисами которого я восхищалась, казалось чудом.

М.Э.: Сейчас ты знаменита, успешна... Как все это должно быть радостно для твоей мамы!

О.Д.: Мама далеко, в Находке. По телефону мы с ней разговариваем иногда по три часа. Между нами 9 тысяч километров, но кажется, их нет. Она у меня человек с хорошим чувством юмора и тактом. Даже трудные ситуации решать с ней легко, но по телефону. А при встрече все усложняется. И однажды я поняла, что мы с мамой просто мало знакомы. Я ведь уехала из дома в 17 лет. Иногда мне приходится довольно резко ее останавливать - чтобы она не объединяла меня с тем человеком, которого она себе представляет. Однажды у нас произошел очень серьезный разговор. Мне даже пришлось перейти на назидательно-пафосный тон. Я ей говорила: «Мама, я не так идеальна, как, наверно, ты бы хотела. Но поверь, тебе нечего стыдиться. Наоборот, ты можешь мной гордиться. Несмотря на этот трудный город и профессию, я не изменила тем высоким моральным принципам, которые ты в меня вкладывала».

М.Э.: А ведь актерам сохранить себя очень сложно. Актер должен играть. Между тем, например, в нашем театре талантливых и красивых женщин-актрис куда больше, чем обычно бывает. Значит, и труднее получить новую роль. Волнения, переживания... Как ты со всем этим справляешься?

О.Д.: Знаете, когда меня не оказывается в новом спектакле, я утешаюсь работой, которая есть. И уж тем более я не интригую за роли. Борьба за участие в спектакле вообще кажется мне бессмысленной, особенно в таком - не побоюсь этого слова - монархическом театре, как наш. Я рассуждаю так: если Галина Борисовна считает нужным меня занять, значит, так тому и быть. Я абсолютно ей доверяю. Были ситуации, когда я колебалась, но все-таки шла за ней и в результате выигрывала. Правильность ее решений подтверждают все 15 сезонов моей работы в «Современнике».

М.Э.: Ты конформист?

О.Д.: Если это никому не мешает и бережет мои нервы - пусть я буду соглашатель. Хотя напряженные отношения из рабочего состояния меня не выбьют. И с ролью скорее всего я справлюсь. Мне просто не нужны такие отношения, а нужно, чтобы вокруг было море любви, которая бы исходила и от меня тоже.

М.Э.: Не могу не спросить тебя о Диме (Дмитрий Певцов, муж Дроздовой. - Н.К.). Мне очень интересно, какой он человек. В

свое время его привел в Театр на Таганке сам Эфрос, чему я очень удивилась. Ведь обычно Анатолий Васильевич выискивал в актерах нечто неактерское. Таким был недавно от нас ушедший Николай Волков - какой-то домашний, неспешный... И вдруг в театре появляется Дима, молодой, красивый, накачанный... Эфрос сразу ввел его на роль Васки Пелла, которую играл Золотухин.

О.Д.: Эфрос увидел за потрясающей внешней формой то, что вижу я и другие люди, которые близко знают Диму, - смешного, немного нелепого и очень талантливого ребенка. Его выдают глаза.

М.Э.: Но он себя, настоящего, глубоко прчет. Он ведь очень сдержан.

что хор для нее - это все. Я хотела прочувствовать этот персонаж. Ведь в театре такую роль мне не дадут. Во всяком случае, пока... Вот и похулиганила немного над собой. Вообще я считаю, что актер должен стараться работать так, чтобы его и в дальнейшем углу сцены заметили. Я верю в легенду, что Панфилов увидел Чурикову в масовке в Малом театре.

М.Э.: А что значит «Современник» для тебя?

О.Д.: Все, как известно, познается в сравнении. Но я настолько нахожусь внутри театра, что даже не оглядываюсь по сторонам. Я ведь ни в каких других московских театрах не работала. По сути я воспитывалась в «Современнике», и не только как ак-

даже намерения не просматривалось проникнуть в их частную жизнь. Обсуждения, конечно, велись, кто там развелся, кто в кого влюбился... Но только между людьми одного круга. Это не выносилось на всеобщее обозрение. Да и желание рассматривать частную жизнь знаменитостей у той же публики, по-моему, отсутствовало.

О.Д.: Я тоже так думаю. И неправда, что все эти грязные выдумки о личной жизни актеров делаются на потребу читателей. Им это неинтересно. Я это знаю по отзывам многих людей, с которыми общаемся и мы, и наши с Димой родители. Дело тут не в том, что актер должен стать неприкосновенной личностью. Как-то в одном издании о моей работе опубликовали сразу два про-

чем-то опоздала, или еще впереди. Иногда мне в кино предлагают роль мам, а при встрече говорят: ты еще слишком молода. Хотя, казалось бы, при соответствующем гриме можно играть даже бабушку.

М.Э.: Надо найти именно свой возраст. А для тебя это особенно сложно, потому что ты очень молодо выглядишь.

О.Д.: Тем не менее определенный возрастной переход у меня уже состоялся. Во всяком случае, внешне. Я сыграла в «Трех сестрах» старшую - Ольгу. Хотя, когда играла Машу (которую тоже продолжаю играть), то думала: это, что называется, мое. Она, скажем, импульсивная, и я тоже взрывная. И вдруг, начав репетировать Ольгу, я обнаруживаю, что во мне больше от нее. В нашей семье, например, не моя мама, личность очень мощная, а именно я стала тем человеком, который решает основные проблемы. Так и Ольга: она не участвует во внешнем треморе событий, она - стержень. И когда возникают какие-то сложные ситуации, сестры обращаются именно к ней. Потому что там, где она, спокойно. Потому что она стоит на ногах. Я даже сама искала в ней те черты, где она разрушается или хотя бы начинает немного покачиваться, и не нашла.

Маргарита Эскина: По-настоящему известной ты стала благодаря кино. Но ты почему-то о нем ничего не говоришь...

О.Д.: Я просто не могу понять, что сейчас происходит в кинематографе. Смотрю фильмы и начинаю их просто путать. Такое чувство, что все снимал один и тот же режиссер, оператор... Последнее время я даже не соглашаюсь сниматься в сериалах. Мне кажется, что точно такой фильм уже идет по телевизору. Артисты в кино вроде все делают правильно, но лица, глазки, губки, даже походка - все в каком-то стандарте. Это относится не только к сериалам. Разве телепередачи не сделаны под один шаблон? Слово существует фабрика по производству искусства и культуры, а заодно и людей. Чего стоит одно название программ «Фабрика звезд» и «Народный артист»? Оказывается, и звездой может стать каждый, а то, что к званию народный артист люди приходят с огромным багажом, уже неважно. Но я ни в какой мере не осуждаю артистов за их участие в тех же сериалах. Им надо работать, надо выживать... А в театре особенно не зарабатываешь.

М.Э.: Но ведь о себе и своих перспективах ты не можешь не думать?

О.Д.: Как говорится, будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас меня спасает театр. Он дает мне то, что мне необходимо: играть. И вообще я люблю работать дома. То есть в театре. Мне там если и не всегда спокойно, то я знаю моменты, где не спокойно. А в антрепризе все будет очень комфортно, но до премьеры... Да, надо сниматься в кино. Иначе забуду, что такое камера. Переговоры с одним тележурналистом длились у меня почти год. Он был настойчив. Но сценарий оказался настолько ужасен, что я не могла переступить через себя. Хотя и деньги большие предлагали, и оператор голливудский, и продюсер голливудский... Ну не будут узнавать меня в Голливуде... Ну и ничего. Переживу!

М.Э.: Возможно, я тебя, Ольга, и люблю за то, что ты умеешь не разбрасываться. Наверно, потому что ты из Находки...

О.Д.: Это у меня от мамы. Многие вещи для нее до сих пор остаются неловкими и стыдными. Сейчас никаких моральных границ нет. Наоборот, их отсутствие возводит в достоинство. Недавно я прочитала у Достоевского в «Бесах» гениальную фразу: «Мне невыгодно быть счастливым, потому что я немедленно лезу прощать врагов своих». Но я рада, что мне хочется жить иначе. Хочется не скрывать щенячьих восторгов, если что-то нравится. Хочется всех обнять, простить, понять...

Когда-то давно Иосиф Райхельгауз, присутствующий на моем показе в «Современнике» (он тогда работал в нашем театре), сказал мне: «Зачем ты выплескиваешь все свои положительные эмоции? Зачем рассказываешь всем и все? Надо быть закрытой. Посмотри на Марину Неелову. Она никогда не сидит в буфете после спектакля, а сразу уходит. Она - загадка. А мы про тебя знаем все - где была, с кем общаешься...» Я тогда подумала, что надо изменить себя, стать более сдержанной. Хватило меня дня на три. Марину Неелову, которая была и есть мой кумир, я копировала несколько дольше. Но потом, к счастью, поняла, что могу быть лишь жалкой пародией на Неелову или кого-то еще. А надо быть собой. Только этим я могу быть интересна. Точно так же и выбирать надо то, что твоё. И прожить свою жизнь. Мне кажется, мою внутреннюю Находку огромный Город еще не растерзал.

Записала
Наталья КУЗИНА

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

ФОТО АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА

КОГДА АКТЕРЫ УЖЕ НЕ БОГИ...

Новый год - и новые удивительные люди в гостях у постоянной ведущей нашей рубрики «Мастер у Маргариты» директора Центрального дома актера Маргариты ЭСКИНОЙ. Сегодня это одна из самых востребованных личностей нашего театра и кино и просто очень красивая женщина - заслуженная артистка России, актриса театра «Современник» Ольга ДРОЗДОВА.

О.Д.: Знаете, когда мы вместе смотрим какой-нибудь спектакль, свои впечатления я выкладываю иногда уже по ходу просмотра. А Димка долго может молчать. Но когда скажет - это будет самое главное. Он так и людей оценивает. Я, например, могу разбиться на частности и даже шарахаться от человека из-за не совсем красивого поступка. А Дима и тогда всю ситуацию будет продолжать видеть в целом. Мелкие проявления человеческой природы он считает несущественными. Несколько раз в нашу компанию он возвращал людей, от которых все отворачивались. А он говорил с ними, стараясь понять все ту же суть происшедшего.

М.Э.: А ваши друзья - люди театральные?

О.Д.: Самые разные. Но театральные, к сожалению, последнее время отдаляются. Когда я пришла в театр, подруг у меня была куда больше, чем сейчас. Конечно, раньше я не была так известна, не имела столько ролей... Но перемены ничуть меня не изменили. Мне по-прежнему после репетиции или премьеры хочется рассказать всему свету, как все здорово... А в ответ - стена. Иногда проще вбежать в кабинет Галины Борисовны и поделиться своими ощущениями. Многие удивляются, как это я так свободно с ней общаюсь. Но она сама - тот человек, который готов на любой разговор. Я стараюсь прибегать к ней с чем-то хорошим. Негативного ей и так хватает. И естественно, в работе всегда помню о субординации.

М.Э.: На дне рождения Игоря Кваши был прекрасный капустник. Меня поразила радость, с которой ты кинулась в это веселое дело. Ну, думаю, молодец Ольга...

О.Д.: Мне потом многие говорили: моя героиня пела с таким остервенением, что от нее не могли оторваться. Она у меня была с темными усиками, с халой на голове... Я хорошо продумала ее судьбу, решила,

триса. Этот театр учит тому, как всегда оставаться человеком, хотя порой мы оказываемся в нечеловеческих условиях. Все театры прекрасны, а в какие-то моменты ужасны. И «Современник» здесь не исключение. Но куда важнее в нем то, что он актеров не выжимает, как лимон, чтобы потом выбросить. Этот театр умеет сохранять их личность. У нас даже не увольняют актеров. Некоторые уходят, но по собственному желанию. И чаще не потому, что они плохие артисты. Просто эти люди по причинам какой-то внутренней несовместимости не приживаются в театре.

М.Э.: Но ведь «Современник» не случайно отличается стабильным коллективом. Я думаю, этого удалось достичь благодаря тому, что Галина Борисовна Волчек сумела создать очень закрытый театр. За это на нее многие обижаются. Дескать, отгородилась ото всех. Но тем самым она сохраняет и людей.

О.Д.: Мне когда-то тоже казалось, что своего рода оборона, которую занимает наш театр, чрезмерна. Но потом я поняла, что иначе легко не заметить людей, которые могут прийти в театр и разрушить его изнутри. Это ведь обычно происходит незаметно, и только через время открываешь, сколько пришло успел натворить. Что скрывать, такие случаи в театральном мире есть.

Сейчас я и сама, так же, как Галина Борисовна, выстраиваю оборону вокруг нашей с Димой семьи. Мы стараемся ничего не рассказывать о нашей жизни. И не потому, что у нас в доме монстры водятся. А потому, что уже не хочется читать о себе даже хорошие.

Маргарита Эскина: Я даже сочувствую актерам: ведь вы абсолютно незащищены, любой из вас может стать объектом самых грязных сплетен. Хотя раньше актеры были, как боги. У прессы

тивоположных мнения. Но оба были достойны, и хотелось что-то изменить в своей работе, двигаться дальше...

М.Э.: Какую роль ты мечтаешь сыграть в театре?

О.Д.: Когда бродвейский режиссер Ричард Корли начал ставить в нашем театре спектакль Теннесси Уильямса «Предупреждение малым кораблям», Галина Борисовна настаивала на моем участии в качестве Вайолет, весьма странной женщины. Она то ли все время пьяная, то ли сумасшедшая... Но Корли, увидев меня на первой репетиции, был страшно возмущен. Он сказал: «Зачем мне привели красавицу?» Тут возмущилась Галина Борисовна: «А кто сказал, что она красавица?» Мне же услышать эти ее слова было очень приятно. Значит, в этом театре я все-таки существую не только как декоративное растение. Мне бы хотелось, чтобы и мои новые роли были меньше связаны с внешними данными.

М.Э.: А что, кроме творчества, может еще занять тебя?

О.Д.: Я сама пытаюсь ответить на этот вопрос. Все эти годы я была очень занята и в театре, и в кино. Мне это вполне по силам. Я могу работать и 12 часов, и больше. Но наступил момент, когда я вдруг поняла, что мне еще чего-то не хватает. Но опять же - не в смысле свободного времяпровождения, а в значении творчества. Образовалась какая-то внутренняя пустота, значит, и договариваться надо внутри себя. Хобби или собачки тут не помогут.

М.Э.: Возможно, это просто возраст? Все мы переходим через какие-то временные барьеры, которые ставят перед нами новые вопросы.

О.Д.: Марта Месарош недавно сказала мне: «У тебя наконец-то произошло соединение внешнего и внутреннего состояния. Тебе сейчас надо играть и играть». А я думаю, что этот период или уже прошел и я в